

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-1-83-134–151

ИЗ ИСТОРИИ АФИНСКИХ ОЛИГАРХИЧЕСКИХ ПЕРЕВОРОТОВ КОНЦА V В. ДО Н.Э. I. ПЕЛОПОННЕССКАЯ ВОЙНА И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В АФИНАХ

И.Е. Суриков

*Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*

E-mail: isurikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2603-6146

Данная работа начинает цикл статей, посвященный антидемократическим переворотам в Афинах конца V в. до н.э. и их историческому значению (после них и в их результате изменился сам характер афинской демократии). Период, о котором идет речь, стал в истории афинского полиса временем большой нестабильности во внутривнутриполитической жизни, и в статье нарастание этой нестабильности рассматривается в контексте Пелопоннесской войны. Обычно считается, что олигархическое движение в Афинах внезапно набрало силу лишь после Сицилийской экспедиции 415–413 гг. до н.э., завершившейся полной катастрофой. Однако в статье демонстрируется, что в действительности олигархические настроения нарастали постепенно и подспудно уже с периода Архидамовой войны, когда впервые наметилась тенденция к перерождению афинской радикальной демократии в охлократию, ведомую демагогами. Непродуманная политика этого режима породила оппозицию, одним из характерных представителей которой был, в частности, Антифонт.

Ключевые слова: классическая Греция, Афины, олигархия, демократия, перевороты, Пелопоннесская война, демагоги, Клеон, Фукидид, Антифонт, форос

Данной работой мы начинаем цикл статей, посвященный антидемократическим переворотам в Афинах V в. до н.э. (все они пришлись на самую последнюю часть указанного столетия). События, о которых идет речь, имели большое историческое значение, что видно из следующего. Классическая афинская демократия – один из важнейших элементов наследия политического опыта античности. В то же время каждый, кто занимался историей этой демократии, не мог не заметить,

Данные об авторе. Игорь Евгеньевич Суриков – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00024, <https://rscf.ru/project/23-28-00024/>.

что приходится говорить, в сущности, о «двух демократиях». Та политическая система, которая существовала до 403 г. до н.э., и та, которая утвердилась после этой даты, – это системы, хотя и демонстрирующие черты сходства и преемственности, но в то же время обладающие значительными, даже принципиальными различиями.

В условиях демократии V в. до н.э. вначале реальные механизмы власти во многих отношениях находились в руках авторитетных политических лидеров аристократического происхождения (как Клисфен, Мильтиад, Фемистокл, Аристид, Кимон, Перикл и др.). В последнюю треть столетия эти лидеры уже отодвинуты от руководства (исключение – Алкивиад, но он явным образом «не в тренде эпохи»). Идет стремительная радикализация демократического устройства, вплоть до охлократических тенденций, непомерное влияние приобретают демагоги. Во внутривластной жизни это ведет к крайней нестабильности, к непрочности демократии, во внешнеполитической области – к неудачам на полях сражений и проигрышу в Пелопоннесской войне с катастрофическими последствиями.

Демократия же IV в. до н.э. отличается редкостной стабильностью, отсутствием смут. Знатные лидеры не возвращаются, но не наблюдается и охлократических тенденций. Широко пропагандируется и реализуется идея «власти закона»¹. Демократическая политическая система прочна и может быть ликвидирована только превосходящим по силе внешним врагом (как и получилось после установления македонского владычества). Единственным значимым пороком системы является коррумпированность политиков (но это свойственно едва ли не всем политическим системам²).

Тезис о разном характере афинской демократии на двух этапах ее существования был в некоторой степени обоснован в коллективном труде под редакцией В. Эдера «Афинская демократия в IV в. до н.э.»³ и ныне, в общем, признан практически всеми учеными. Этот факт, как правило, просто констатируется как некая данность. Однако практически еще не подвергался глубокому изучению вопрос о конкретных причинах столь кардинальных изменений. В основном об этих причинах рассуждают в достаточно общей форме («смена политического менталитета», «уроки Пелопоннесской войны», «конфликт поколений»⁴ и т.п.).

Такой уровень анализа выглядит явно недостаточным, даже поверхностным, и, как нам представляется, данный дискурс можно значительно конкретизировать, углубить, что позволит гораздо лучше понять специфику рассматриваемого процесса. В частности, в литературе почти не обращается внимания на ту роль, которую в этом процессе сыграли те самые антидемократические, олигархические перевороты конца V в. до н.э. («переворот Четырехсот» 411 г. до н.э., «переворот Пяти тысяч» того же года и «переворот Тридцати» 404 г. до н.э.) с последующей реставрацией демократии.

Об этих переворотах, как и об абсолютно любом сюжете истории античных Афин, разумеется, есть работы в мировой историографии (здесь вряд ли имеет

¹ Ostwald 1986.

² Ср. Маринович, Кошеленко 1996, 330.

³ Eder 1995.

⁴ Подход, делающий акцент на «конфликте поколений», особенно ярко проявился в: Strauss 1993 (об этой работе еще будет сказано ниже).

смысл заниматься их перечислением). Но в целом значение этих событий для судьбы афинского полиса недооценено, а главное – они не рассматриваются с точки зрения их роли в эволюции государственного устройства Афин, а по большей части предстают просто как некие досадные негативные эпизоды едва ли не случайного характера. Попытка несколько более глубокого подхода к ним предпринята, пожалуй, лишь в монографии Г.А. Лемана⁵; но в ней проблема взята в ином ракурсе по сравнению с тем, который предлагается в нашем проекте. А именно: Леман осуществил сравнительный анализ афинских переворотов конца V в. до н.э., после которых демократия возродилась (и, заметим со своей стороны, изменилась, достигнув большей стабильности), и переворотов конца IV в. до н.э., в ходе которых классическая демократия погибла⁶. Это тоже интересная постановка вопроса, но, как мы постараемся продемонстрировать в исследованиях данного цикла, возможны и иные варианты подхода к рассматриваемой проблематике.

Из «двух демократий», о которых шла речь выше, безусловно, приоритетному изучению и освещению подвергалась вторая, которая существовала в период поздней классики. Характерно название одного из самых капитальных трудов по этому сюжету – «Афинская демократия в век Демосфена» М. Хансена⁷. Другие труды такого рода если и не имеют аналогичных заголовков, все-таки тоже излагают преимущественно и политические институты, и политические процессы именно «века Демосфена» (в широком смысле, т.е. IV в. до н.э.)⁸.

Тому есть несколько причин. Во-первых, «вторая» демократия представляется более эффективной, стабильной, прочной: ее удалось в конечном счете ликвидировать только значительно превосходящей внешней силе (Македонии), в то время как «первая» со временем приобрела охлократический вектор, не смогла успешно осуществлять свои функции (как с внешнеполитической, так и с внутриполитической точки зрения) и пала во многом в силу этой своей неустойчивости. Но ведь это как раз и важно. Исследовать необходимо не только позитивный, но и негативный исторический опыт, дабы учиться на нем «от противного». Иными словами, обязательно нужно пристально всмотреться в процессы, протекавшие в афинском демократическом полисе в эпоху Пелопоннесской войны.

Это выводит нас на вторую причину, по которой о демократии V до н.э. пишут недостаточно. Демократия IV в. до н.э. практически во всех своих аспектах великолепно документирована источниками. Помимо созданной тогда «Афинской политики» Аристотеля, вторая часть которой представляет собой детальное систематическое описание данной политической системы, мы имеем такие важнейшие памятники демократического менталитета, как речи ораторов в весьма большом количестве. Свидетельства Платона тоже должны быть упомянуты.

Что же касается демократии V в. до н.э., то о большей части хронологического отрезка ее существования у нас из нарративных данных имеются почти только поздние (Плутарх, Диодор и др.). Геродот – автор, современный эпохе, – пробле-

⁵ Lehmann 1997.

⁶ Об этих переворотах см.: Poddighe 2002.

⁷ Hansen 1987.

⁸ Это констатируется в: Thorley, 2004, VII, причем сам автор указанной книги декларирует свое желание отойти от сложившегося обыкновения и сосредоточиться на демократии V в. до н.э.; впрочем, демонстрируемый им уровень анализа достаточно поверхностен.

матику афинской демократии затрагивал редко, не слишком углубляясь в нее (однажды, кстати, он сделал об этом строе довольно язвительное замечание: «Ведь многих людей, очевидно, легче обмануть, чем одного», Herod. V. 97). А такие тоже ранние источники, как памятники аттической трагедии (Эсхил, Софокл), часто в силу своих жанровых особенностей проблематичны с точки зрения интерпретации. Достаточно напомнить, скажем, что политическая тенденция «Эвменид» Эскила трактуется одними учеными как поддержка реформы Эфиальта, другими – как оппонирование ей⁹.

Однако всё кардинально меняется с началом Пелопоннесской войны (а именно этот период нас и интересует). Подробнейший рассказ о событиях (в том числе внутривосточных) содержится у Фукидида и Ксенофонта (у Фукидида – еще и с глубоким анализом). Появляется такой, без преувеличения, уникальный памятник олигархической мысли, как «Афинская полития» Псевдо-Ксенофонта¹⁰. Пишет свои речи софист-олигарх Антифонт¹¹. Ставятся политические комедии Аристофана, которые очень часто изучаются как раз в контексте истории афинской демократии. Кроме того, резко возрастает количество эпиграфических текстов публичного характера, среди которых есть и надписи чисто политического содержания. К теме олигархических режимов имеют самое прямое отношение, например, такие из них, как: декрет правительства Четырехсот (IG. I³. 98), декрет о почестях убитым лидером Четырехсот Фринихом (IG. I³. 102), переиздание закона Драконта вскоре после первой реставрации демократии (IG. I³. 104) и, конечно же, знаменитый декрет Фрасибула 401 г. до н.э. о наградах для лиц, участвовавших в свержении олигархии Тридцати и втором восстановлении демократии (IG. II². 10).

Итак, актуальность нашего проекта заключается и в том, что в его рамках мы обратимся к тем страницам истории афинской демократии, которые являются наименее изученными и в некоторой степени находятся в незаслуженном пренебрежении.

* * *

С момента своего возникновения в 507 г. до н.э. при Клисфене и вплоть до 411 г. до н.э., афинская демократия отличалась редкостной стабильностью. На протяжении почти века не было ни одного (!) государственного переворота, ни даже попытки такового¹². Это даже удивительно, учитывая, насколько распространенным явлением был в греческих полисах стасис. Поневоле припоминаются замечания Аристотеля в «Политике» о том, что демократии обладают большей внутренней прочностью, чем олигархии (Arist. Pol. V. 1302a8–13; V. 1315b11–12)¹³.

Но всё изменилось чуть ли ни в один момент, что особенно заметно по контрасту: после длившегося 96 лет периода спокойного развития за десятилетие

⁹ По этой проблеме см.: Суриков 2018, 294–299 (с литературой).

¹⁰ Наиболее фундаментальное исследование о ней: Magg, Rhodes 2015.

¹¹ О значении этой интереснейшей фигуры см. прежде всего: Gagarin 2002.

¹² Самым острым моментом за весь этот хронологический отрезок было убийство Эфиальта в 461 г. до н.э., с мотивами которого и поныне нет никакой ясности (Roller 1989), вплоть до того, что в литературе подчас отрицается сам факт этого убийства (Stockton 1982).

¹³ В целом по теме «Аристотель и демократия» см.: Day, Chambers 1967; Poddighe 2014. Невозможно также не упомянуть о классическом труде в отечественной историографии: Доватур 1965.

411–401 гг. до н.э. имели место целых семь переворотов¹⁴, в ходе которых олигархические режимы устанавливались, трансформировались, ликвидировались. А после того, как с олигархами было покончено и демократия возродилась, вновь наступил длительный (79 лет) период стабильности, вплоть до македонской оккупации в 322 г. до н.э.¹⁵ Но эта «вторая фаза» афинских смут нас здесь интересовать не будет.

Что же касается переворотов конца V в. до н.э., думается, совершенно не случайным является то обстоятельство, что все они имели место в период Пелопоннесской войны и сразу после нее. Вооруженный конфликт между Афинами и Спартой был воистину грандиозен, а крупномасштабные внешнеполитические факторы, как известно, часто выступают катализаторами, интенсифицирующими внутривнутриполитические процессы. Наибольшей активности антидемократическое движение достигло после печально знаменитой Сицилийской экспедиции 415–413 гг. до н.э.¹⁶, завершившейся полной катастрофой. Нередко можно встретить утверждение, что до этого поражения олигархических настроений в афинском полисе практически не было и олигархия не рассматривалась как реальная опция для полиса¹⁷. Так ли это – нам и нужно попытаться разобраться.

Главным источником по всему этому кругу вопросов является, понятно, Фукидид, который блестяще описал тот период, в который вызревали предпосылки интересующих нас событий и процессов. Несколько слов об этом авторе. Миновали времена, когда его воспринимали как этакий образчик скрупулезного и беспристрастного ученого-историка, настоящего позитивиста, «античного Ранке» (примерно таким его видел, скажем, еще Уэстлейк¹⁸). Этот взгляд подвергнут принципиальной критике¹⁹, и ныне Фукидида чаще характеризуют как политического мыслителя²⁰. Он отнюдь не «летописец», работающий *sine ira et studio*, ему в достаточной мере присуща тенденциозность²¹. Он – горячий афинский патриот и, говоря о враждебном Афинам полисе, создает сугубо негативный образ Спарты и спартанцев²², а, скажем, Перикла идеализирует²³.

В довольно давней, но чрезвычайно важной концептуальной статье²⁴ А. Пэрри²⁵ излагает весьма интересную, импонирующую нам интерпретацию понимания сути исторического процесса Фукидидом. Для последнего история – это путь от дикости и варварства к цивилизации, а цивилизованность достигает высшей

¹⁴ Перечень см.: Суриков 2022а, 220–222.

¹⁵ О которой см. Green 2003.

¹⁶ По ней по-прежнему остается основополагающим исследование: Kagan 1981. Недавняя книга по тому же сюжету (Boulton 2021) производит впечатление поверхностной.

¹⁷ Badian 1995, 81; Osborne 2003, 256–257.

¹⁸ Westlake 1989 (книга составлена из статей разных лет).

¹⁹ Например: Finley 1985, 47–66; Tucker 2016; Суриков 2022б.

²⁰ Например: Farrar 1994, 126–191; Ober 2006.

²¹ Многочисленные примеры тенденциозности и необъективности Фукидида, проявляющиеся, в частности, в умолчаниях, собраны в: Badian 1993.

²² Bradford 1994, 68–69.

²³ Об идеализации Фукидидом Перикла см.: Will 2003, 159–241.

²⁴ Parry 1972.

²⁵ Адам Пэрри (1928–1971) – американский антиковед, сын выдающегося фольклориста Милмана Пэрри (1902–1935), открывшего формулы в эпосе (о нем см. Duć, Nagy 2020). И отцу, и сыну, к сожалению, была отпущена лишь недолгая жизнь: оба стали жертвами несчастных случаев.

кульминации в восхищавших его Перикловых Афинах. Но в то же время для Фукидида едва ли не главное мерило степени развития цивилизации – сила, мощь, в том числе и в военном плане (поэтому историк в начале своего труда, в так называемой «Археологии», показывает, какими слабыми и незначительными на фоне этих Афин были, по его мнению, все предшествовавшие государства). Возрастание же мощи с неизбежностью порождает претензии на первенство; это, в свою очередь, вызывает крупные войны (для Фукидида, опять же, Пелопоннесская война – самая крупная из всех, какие когда-либо были, и он это настойчиво подчеркивает), а война разрушает накопленную мощь, приводит ее носителя к краху. Иными словами, цивилизация губит сама себя. Такова неутешительная, пессимистическая позиция интересующего нас здесь автора²⁶.

Современником Фукидида был Псевдо-Ксенофонт – «Старый олигарх», как его постоянно называют в западной литературе, хотя на самом деле он, скорее всего, и старым отнюдь не был (дух произведения выдает в его авторе выученика софистов), и таким уж убежденным олигархом не являлся²⁷. Наиболее вероятно, что его «Афинская полития» была создана на хронологическом отрезке 425–424 гг. до н.э.²⁸ Точка зрения этого неизвестного писателя²⁹ весьма оригинальна. К демократии он относится с откровенной неприязнью, вплоть до того, что заявляет: «...кто, не принадлежа к народу (μὴ ὄν τοῦ δήμου), предпочитает жить в демократическом, а не в олигархическом государстве, тот просто задается какими-нибудь преступными намерениями и видит, что мошеннику скорее можно остаться незамеченным в демократическом государстве, чем в олигархическом» (Ps.-Xen. 2. 20). Но он тем не менее вынужден признать: свои функции афинская демократия выполняет настолько эффективно, что «порядочному (χρηστός) человеку» приходится-таки с нею мириться. Отсюда – коллизия между двумя известными высказываниями: «Что касается государственного устройства афинян, то, если они выбрали свой теперешний строй, я не одобряю этого по той причине, что, избрав себе его, они тем самым избрали такой порядок, чтобы простому народу жилось лучше, чем благородным» (Ps.-Xen. Ath. pol. 1. 1); «Но, раз уж они решили иметь демократическое правление, мне кажется, что они удачно сохраняют демократию» (Ps.-Xen. Ath. pol. 3. 1).

Общий пафос этого памфлета – бодрый и, мы бы сказали, оптимистичный. В вышеупомянутом посвященном ему исследовании Марра и Родса это связывается с тем временем, когда он был создан: только что была одержана блистательная победа при Пилосе и Сфактерии³⁰, которая, безусловно, породила в Афинах сильную эйфорию. А «отрезвление», принесенное неожиданным ударом Брасида

²⁶ О пессимизме Фукидида, контрастирующем с оптимизмом Геродота, мы писали уже давно: Суриков 2011, 67–68.

²⁷ Туманс 2004, где показано, что взгляды Псевдо-Ксенофонта более сложны и неоднозначны по сравнению с тем, как их обычно интерпретируют.

²⁸ Marr, Rhodes 2015, 5–6.

²⁹ В другом месте (Суриков 2010, 62) мы предположили, что его можно отождествить с Антифонтом.

³⁰ О ней и об освещении ее Фукидидом см.: Herter 1968; Flower 1992; Rubincam 2001; Lippman, Scahill, Schultz 2006; Foster 2012; Shepherd 2013; Rademaker 2019.

на севере³¹ и болезненным поражением от беотийцев при Делии³², еще не наступило.

Впрочем, следует сказать, что ко времени написания «Афинской политики» афинская демократия (речь идет о послеперикловском периоде ее эволюции) уже вполне приобрела охлократический вектор. Правда, даже еще и в следующем столетии Аристотель в своем анализе типов демократии термином «охлократия» не пользуется (видимо, он еще не вошел в употребление), а соответствующую форму правления определяет как «крайнюю демократию» (ἡ δῆμοκρατία ἡ ἐσχάτη, *Arist. Pol. V. 1312b36*), давая ей совершенно убийственную характеристику (*Arist. Pol. IV. 1292a4–36*), уподобляя ее во многом тирании, отказывая ей в праве называться демократией и вообще считаться государственным устройством. Исследователи единодушны в том, что, говоря о «крайней демократии», Стагирит описывает именно афинскую демократию последней трети V в. до н.э.³³

Уже во времена лидерства Перикла демократическое устройство в Афинах было достаточно радикальным, и еще более радикальным оно стало после него. Наступила «эра демагогов»³⁴, первым из которых традиционно считается Клеон. Впрочем, похоже, что у него на этом поприще был предшественник – Лисикл, который до такой степени претендовал на положение преемника Перикла, что после его смерти стал жить с Аспасией. Но ему не повезло – он погиб уже в начале войны (о Лисикле см.: *Thuc. III. 19*; *Plut. Pericl. 24*), а вот Клеон добился громкой популярности.

Имеет смысл процитировать *in extenso* характеристику, которую дал политикам, пришедшим на смену Периклу, Фукидид: «Из преемников Перикла ни один не выдавался как государственный деятель среди других, но каждый стремился к первенству и поэтому был готов, потакая народу, пожертвовать даже государственными интересами. Отсюда проистекали многие ошибки (что и естественно в столь большом и могущественном городе), и самая значительная из них – морской поход в Сицилию. Этот поход окончился неудачей не столько из-за недооценки сил противника, а скорее по вине предпринявших его правителей. Они не заботились об успехе экспедиции, а занимались мелкими дрызгами в борьбе за руководство народом и первенство в городе, и не только вяло вели войну, но привели в расстройство своими распрями государственные дела» (*Thuc. II. 65. 10–11*).

Фукидид, как известно, считал, что Сицилийская экспедиция в принципе являлась безумной авантюрой, обреченной на провал. На самом деле вопрос, пожалуй, сложнее, и эта грандиозная акция, судя по всему, не была, так сказать, запрограммирована на поражение³⁵. Но, как бы то ни было, оно произошло, чем было продемонстрировано, что радикальная демократия, вдобавок к остальным своим недостаткам, может быть еще и неэффективной (о чем ранее и не подозревали). Однако в данном плане первые «грозные звоночки» (впрочем, тогда еще совер-

³¹ Westlake 1980; Boëldieu-Trevet 1997; Prandi 2004; Bearzot 2004; Roberts 2015; Simonton 2018; Sinitsyn 2020.

³² Gianotti 2021.

³³ Впрочем, для Аристотеля любая демократия (равно как и любая олигархия) являет собой дефектную, «отклоняющуюся» форму правления (Duke 2020, 11).

³⁴ О демагогах см.: Henderson 2003; Rhodes 2016; Simmons 2023. Нередко употребляют, начиная с известной работы Коннора (Connor 1992), также выражение «новые политики».

³⁵ Buck 1988; Суриков 2007.

шенно не замеченные большинством) начали звучать уже на стадии Архидамовой войны. Скажем несколько слов о том, как в ее период обстояли дела на фронтах.

Перикл (которого, надо сказать, в исследовательской литературе обычно резко противопоставляют позднейшим демагогам, а в действительности у него было с ними немало общих черт³⁶) последовательно реализовывал оборонительную стратегию, которая имела многочисленные и разнообразные последствия, так что ее оценка и поныне остается неоднозначной³⁷. С одной стороны, Спарте не удался блицкриг, на который она так рассчитывала. С другой стороны, Афины, безусловно, испытывали трудности; но эти последние, безусловно, были порождены в первую очередь внезапно обрушившейся на Аттику эпидемией, то есть фактором, не зависевшим от воли людей. Во всяком случае, так считали тогда; связь «чумы» с антисанитарной обстановкой, сложившейся в городе в результате эвакуации туда жителей хоры, не осознавалась. Перикла, правда, обвинили в ней (и, соответственно, сместили с должности и судили), но обвинили, если так можно выразиться, «по другой линии»: любая эпидемия расценивалась как «божья кара» за что-то, и в данном случае ее связали с родовым проклятием Алкмеонидов³⁸.

Таким образом, эти невзгоды сами по себе еще не вызывали антидемократических настроений. Оборонительная стратегия Перикла, судя по всему, тоже продолжала считаться верной; во всяком случае, от нее, в общем-то, не отказались и после смерти ее автора. Меняться кое-что начинает уже во времена наивысшего влияния Клеона. Этого политика Фукидид вводит в свое повествование сразу с крайне негативной характеристикой («этот человек вообще был самым неистовым из граждан», Thuc. III. 36. 6), и вводит в весьма показательном месте. Речь идет о так называемых «Митиленских дебатах» (Thuc. III. 36–49)³⁹. Два их участника – Клеон и Диодот – выступают выразителями, соответственно, «сильной» и «слабой» версий так называемого «афинского тезиса».

Это выражение принадлежит выдающемуся политическому мыслителю XX в. Лео Штраусу⁴⁰, глубоко и тонко знавшему античность⁴¹. Сводится «афинский тезис» к тому, что в мире торжествует право сильного и политика должна руководствоваться не этическими, а исключительно прагматическими соображениями. В «Истории» Фукидида концепт, о котором идет речь, обрисовывается неоднократно: в наиболее развернутой форме, само собой, в «Мелосском диалоге» (Thuc. V. 85–113)⁴², а также в вышеупомянутых «Митиленских дебатах», в речи афинских послов в Спарте (Thuc. I. 73–78), в речи Алкивиада перед афинянами (Thuc. VI. 16–18), в речи афинянина Евфема в Сиракузах (Thuc. VI. 82–87). Это – пассажи, перечисляемые А. Бултоном⁴³, а мы бы добавили к ним, пожалуй,

³⁶ Hornblower 1992, 346. Не случайно Аристотель в «Афинской политике», в сущности, называет и Перикла демагогом (πρὸς τὸ δημαγωγεῖν ἐλθόντος Περικλέους, Arist. Ath. pol. 27. 1).

³⁷ Позитивная оценка: Ober 1985. Более критичная оценка: Kagan 2005.

³⁸ Суриков 2000, 206.

³⁹ О «Митиленских дебатах» см.: Wassermann 1968; Debnar 2000; Schmitz 2010; Fornara 2010; Harris 2013.

⁴⁰ Strauss 1964, 183.

⁴¹ Анализ афинской демократии Лео Штраусом рассмотрен в: Giorgini 2021.

⁴² О «Мелосском диалоге» см.: Bosworth 1993; Vickers 1999; Will 2006; Reden 2013; Fragoulaki 2016; Taylor 2018.

⁴³ Boulton 2021, 65.

еще и последнюю речь Перикла перед афинянами (Thuc. II. 60–64), в которой откровенно говорится: «Ваше владычество подобно тирании» – мотив, позже эхом откликающийся в речи Клеона.

Спор между Клеоном и Диодотом идет по вопросу о том, как надлежит поступить с жителями Митилены, поднявшими восстание против афинского владычества, но потерпевшими поражение. Клеон призывает к максимально суровой каре, Диодот – к более гуманному отношению. Но и последним руководствуют тоже отнюдь не этические мотивы, а чисто прагматические: по его мнению, пощадить митиленян просто полезнее для интересов Афин, чем истребить их. И он в своей речи доказывает, почему это так, а Клеон в своей, напротив, пытается убедить слушателей, что полезна жестокость.

Он, между прочим, был жесток не только по отношению к противникам, но и по отношению к собственным согражданам. Когда первая сицилийская экспедиция афинян (427–424 гг. до н.э.)⁴⁴ возвратилась, не достигнув желаемого результата, командовавшие ею стратеги (между прочим, способные военачальники) были – явно с подачи Клеона – преданы суду и подвергнуты наказанию⁴⁵, хотя никакой вины в происшедшем с их стороны не было⁴⁶. Около того же времени был наказан изгнанием стратег Фукидид (будущий автор «Истории»), и никто не сомневается в том, что инициатором этой незаслуженно суровой меры был тот же Клеон. В подобных эпизодах уже предвосхищалось такое скандальное событие афинской истории, явившее полный триумф беззакония, как процесс стратегов, выигравших сражение при Аргинусских островах⁴⁷, имевший место в 406 г. до н.э. и закончившийся смертным приговором для всех обвиняемых, что, можно сказать, обезглавило афинские вооруженные силы, лишило их почти всех сколько-нибудь дельных командиров.

Вернемся к Клеону – этому «отцу афинской охлократии». Получив триумфальные лавры после взятия в плен спартанских гоплитов на Сфактерии (лавры, в сущности, не заслуженные им, поскольку всё решила подготовительная работа, блестяще проделанная Демосфеном), этот политикан, ранее не имевший военного опыта, возомнил себя выдающимся полководцем, да и согражданами, судя по всему, начал рассматриваться в качестве такового и ежегодно избираться ими на пост стратега⁴⁸. Ведь не кого иного, а именно его отправили под Амфиполь сражаться

⁴⁴ О ней см. Westlake 1960.

⁴⁵ Cataldi 1996.

⁴⁶ Напомним о причинах неуспеха. Афиняне пытались сыграть на том, что сицилийские города с давних пор находились в распре друг с другом: с одной стороны, наблюдалось противостояние между дорийскими и ионийскими колониями, с другой же – малые полисы опасались угрозы со стороны крупных (Berger 1991), особенно со стороны Сиракуз – фактически государства-гегемона на острове. В подобной ситуации на общесицилийском конгрессе, созванном в Геле (главное свидетельство о Гелойском конгрессе: Thuc. IV. 58–65), огромное впечатление на присутствующих произвела яркая, страстная речь Гермократа – выдающегося сиракузского политического деятеля и полководца. Он призывал эллинов Сицилии отложить свои локальные конфликты и сплотиться против общего врага – афинян (о Гермократе и его инициативе см.: Will, 2003, 149–158; Осипова, 2008). Гермократу удалось убедить представителей полисов острова подписать всеобщий мир, и в результате афинскому флоту пришлось удалиться.

⁴⁷ Об этом процессе см.: Hatzfeld 1940; Andrewes 1974; Roberts 1977; Mehl 1982; Németh 1984; Worthington 1989; Burckhardt 2000; Gish 2012.

⁴⁸ Клеон – член коллегии стратегов в 424/423, 423/422 и 422/421 гг. до н.э. (Fornara 1971, 59–62).

с таким «богом войны», как Брасид, и Клеон, разумеется, провалил порученную ему задачу, погибнув с бесчестьем. Этим было продемонстрировано, как разбогатевшие ремесленники-демагоги ведут боевые действия.

Сделаем небольшое отступление. Не все в полной мере сознают, до какой степени афинская прямая демократия была пропитана духом принципиального дилетантизма. Большинство должностей замещалось по жребию, и в результате на них мог попадать (и попадал) буквально кто угодно. Занятию должности, правда, предшествовала докимасия (проверка). Но что именно подвергалось проверке, какие вопросы задавались будущему магистрату? Это были вопросы самого общего характера: чистокровного ли он афинского происхождения, не обижают ли родителей и т.п. Обращалось внимание, скажем, на этические качества личности, но ни в коей мере не на ее профессиональные компетенции. Не ставился вопрос: справится ли гражданин с кругом обязанностей, лежащим на него в связи с постом, который ему предстоит занять? А не ставился он именно потому, что положительный ответ на него мыслился чем-то само собой разумеющимся. Считалось, что в управлении государством нет чего-то такого особенно сложного, чего не мог бы делать каждый. И это как раз та черта афинской демократии, которую в ней жестко критиковал Сократ: «он говорил, что глупо должностных лиц в государстве выбирать посредством бобов (то есть с помощью жребия – И.С.), тогда как никто не хочет иметь выбранного бобами рулевого, плотника, флейтиста или исполняющего другую подобную работу, ошибки в которой приносят гораздо меньше вреда, чем ошибки в государственной деятельности» (Хен. Мем. I. 2. 9).

Стратегов, правда, выбирали не жеребьевкой, а голосованием. Однако в полисных условиях, где военная и политическая сфера были теснейшим образом связаны друг с другом, и на военные должности тоже попадали не только люди опытные в данной сфере, но и, – пожалуй, даже в первую очередь – популярные политики, лица, которые именно этим и были известны народной массе. Так, Перикл отнюдь не был крупным полководцем. Однако стратегом он становился многократно в своей жизни, а в 443–429 гг. до н.э. каждый год, без исключений, занимал эту должность. Причина проста: коль скоро человек *de facto* является политическим лидером государства, должен же он иметь какое-то официальное положение. И именно положение стратега решало проблему несравненно лучше, нежели любое другое. Ведь, скажем, пост архонта замещался по жребию, да и занять его можно было только один раз в жизни. А все остальные должности (казначей, астиномы, ситофилаки и т.п.) были слишком узкими по набору полномочий.

Так же, как с Периклом, впоследствии обстояло дело с Клеоном. Но парадокс заключается в том, что «штатский политик», становясь формально стратегом, да еще и неоднократно, начинал мнить себя стратегом и по существу. Это, как мы видели, и погубило Клеона.

Далее приходит черед «благородного демагога» Алкивиада. Неожиданным образом этот рафинированный аристократ и слушатель Сократа занял ровно ту самую нишу в политической жизни, которую до того занимал невежественный парвеню, «кожевник» Клеон. Алкивиад был молод и полон амбиций. Б. Стросс в интересной книге «Отцы и сыновья в Афинах: идеология и общество в эру Пело-

поннесской войны»⁴⁹ предложил оригинальный взгляд на внутривосточную борьбу интересующего нас времени, поставив ее в контекст «конфликта поколений». Период 450–413 гг. до н.э. он обозначил как «час сына»⁵⁰. На этом этапе в политике отчетливо выдвигаются на первый план молодые люди – энергичные, амбициозные, получившие софистическое образование (вспомним, что в комедиях Аристофана часты упреки по адресу современной ему молодежи, «развращенной софистами», которой он противопоставляет мужественных и одновременно послушных старшим юношей прежних поколений). Символом данного периода в полной мере может служить как раз яркая фигура Алкивиада.

Но к чему в конечном счете привело это доминирование молодых? К сицилийской катастрофе. Это вызвало убежденность в том, что они не способны руководить государством. И период 413–399 гг. до н.э. Б. Стросс обозначает как «возвращение отца»⁵¹. Иными словами, пожилые, ранее несколько отодвинутые в сторону, вновь берут дела в свои руки. В высшей степени характерным штрихом является то, что первым важным внутривосточным шагом после поражения на Сицилии стало в Афинах учреждение коллегии пробулов с чрезвычайно широкими полномочиями, а в коллегию эту вошли только лица весьма почтенного возраста (например, Софокл, которому было больше 80 лет), к тому же консервативно настроенные⁵².

Б. Стросс обращает внимание на то, насколько большое значение именно с 413 г. до н.э. начинает играть в общественно-политическом дискурсе концепт *πάτριος πολιτεία*, «отеческого государственного устройства»⁵³. Идеей воссоздания этого последнего был, собственно, в первую очередь вдохновлен переворот Четырехсот, да эта идея сыграла определенную роль и в перевороте Тридцати (Arist. Ath. pol. 35. 2). Б. Стросс подчеркивает прямую связь термина *πάτριος* со словом *πατήρ*. Речь шла именно о возвращении к «добрым порядкам отцов», о новом укреплении отцовского авторитета, отцовской власти. Молодежь надлежало «поставить на место».

Как понимать такое «отеческое государственное устройство», естественно, каждый представлял себе по-разному; однако в любом случае ясно, что оно никак не мыслилось сопряженным с радикальной демократией «перикловой» и «постперикловой» чеканки. С точки зрения этой последней, «отеческое государственное устройство» не могло представлять ничем иным, кроме как олигархией. Впрочем, на самом деле «оппозиционный лагерь» этого периода представлял собой достаточно сложное явление⁵⁴. Наряду с действительно имевшимися олигархами, в этом лагере присутствовали также и представители иных частей политического спектра – от харизматических личностей, чьим идеалом была скорее тирания, нежели олигархия в собственном смысле слова, до, в сущности, умеренных демократов, которым претили только охлократические крайности.

⁴⁹ Strauss 1993.

⁵⁰ Strauss 1993, 130.

⁵¹ Strauss 1993, 179.

⁵² О консерватизме Софокла см. хотя бы: Суриков 2002, 112–151.

⁵³ Об этом концепте, как раз применительно к рассматриваемому хронологическому отрезку, см. Fuks 1971; Finley 1971.

⁵⁴ См. о сложности этой картины: Rhodes 2000; Heftner 2003.

И действительно, ведь не с нуля же оппозиционеры обрели после 413 г. до н.э. такую силу, что смогли уже вскоре ликвидировать демократию (кстати, практически не сопротивлявшуюся⁵⁵). Эта их сила должна была вызревать подспудно, по мере того как дискредитировал себя правящий строй. Возьмем хотя бы такую характерную фигуру, как упоминавшийся выше олигарх Антифонт. Он стал главным идеологом переворота Четырехсот, а до того избегал открытого участия в политической жизни: «в народном собрании и в суде он выступал неохотно» (Thuc. VIII. 67). Однако известно о ряде его речей политического содержания, от которых, к сожалению, сохранились только фрагменты⁵⁶. Он писал их не для себя, а для клиентов: ведь, как известно, именно этот афинский мыслитель и оратор является первым в истории логографом, он изобрел саму «профессию», о которой идет речь⁵⁷. Причем если последующими логографами двигала в основном материальная заинтересованность, Антифонт был логографом, если так можно выразиться, идейным – помогавшим своим единомышленникам⁵⁸.

В интересующих нас текстах порой явно звучат оппозиционные мотивы. Например, у Антифонты имелась речь «Против Филина» (Antiph. fr. 61–64 Blass – Thalheim), а Филин был демагогом, братом куда более знаменитого Клеофонты⁵⁹. Также характерны речи «О форосе линдийцев» (Antiph. fr. 25–33 Blass – Thalheim) и «О форосе самофракийцев» (Antiph. fr. 49–56 Blass – Thalheim), где излагались прошения о снижении фороса, взимаемого с соответствующих городов. Защита союзных полисов от чрезмерной эксплуатации была еще со времен Фукидида, сына Мелесия, одним из самых частых и эффективных приемов, использовавшихся противниками радикальной демократии. В частности, в речи «О форосе самофракийцев» жители Самофракии рассказывают о том, как они поселились на этом острове (Antiph. fr. 49 Blass – Thalheim), а потом ссылаются на собственную бедность, что понятно в контексте их просьбы: «Ведь даже издали ясно, что остров, которым мы владеем, горист и суров; земель плодородных и удобных для возделывания на нем мало, а непригодных – много, при том что сам остров-то невелик» (Antiph. fr. 50 Blass – Thalheim).

Демагоги же, как известно, призывали быть по отношению к союзникам как можно более жесткими. Мы помним, как предлагал Клеон поступить с митиленианцами. Никто не сомневается в том, что именно Клеон же был истинным вдохновителем знаменитого декрета Фудиппа 425/424 г. до н.э. (IG. I³. 71), которым общая сумма фороса была резко (более чем в 2 раза) поднята. И ведь наверняка масса демоса в народном собрании с ликованием голосовала за эту драконовскую меру, совершенно не имевшую сколько-нибудь близких прецедентов. Но, с другой стороны, невозможно допустить и то, чтобы среди афинян совсем не было людей более дальновидных, понимающих, какие пагубные последствия возме-

⁵⁵ Об этом аспекте переворота 411 г. до н.э. см.: Taylor 2002.

⁵⁶ Наш перевод фрагментов речей Антифонты см. в: Суриков 2009.

⁵⁷ Суриков 2021, 643–644.

⁵⁸ Это заметно и в тех его – сохранившихся – речах, которые в целом не имеют политического характера, но определенную тенденцию содержат. В речи VI «О хоревте» Антифонт защищает некоего богатого и знатного афинянина (явно не адепта охлократии), борющегося с демагогами. В речи V «Об убийстве Герода» он защищает гражданина союзного полиса Митилены (об Антифонте и союзниках см. ниже).

⁵⁹ О Филине см.: Raubitschek 1954. О Клеофонте см.: Vanderpool 1952.

ет авантюристическое по своей сути решение, как отреагируют на него полисы, входящие в Афинскую архэ. Из таких-то людей (Антифонт, безусловно, был в их числе), видящих, как государство, взяв неверный курс, само себя загоняет в тупик, и формировалось ядро антидемократической оппозиции. Но о деталях этого процесса речь пойдет уже в следующей статье данного цикла.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Andrewes, A. 1974: The Arginousai Trial. *Phoenix* 28/1, 112–122.
- Badian, E. 1993: *From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia*. Baltimore.
- Badian, E. 1995: The Ghost of Empire: Reflections on Athenian Foreign Policy in the Fourth Century BC. In: W. Eder (ed.), *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?* Stuttgart, 79–106.
- Bearzot, C. 2004: Lisandro tra due modelli: Pausania l'aspirante tiranno, Brasida il generale. In: C. Bearzot, F. Landucci (eds.), *Contro le 'leggi immutabili': Gli Spartani fra tradizione e innovazione*. Milano, 127–160.
- Berger, S. 1991: Great and Small Poleis in Sicily: Syracuse and Leontinoi. *Historia* 40/2, 129–142.
- Boëldieu-Trevet, J. 1997: Brasidas: la naissance de l'art du commandement. In: P. Brulé, J. Oulhen (eds.), *Esclavage, guerre, économie en Grèce ancienne: Hommages à Yvon Garlan*. Rennes, 147–158.
- Bosworth, A.B. 1993: The Humanitarian Aspect of the Melian Dialogue. *JHS* 113, 30–44.
- Boulton, A.O. 2021: *Democracy and Empire: The Athenian Invasion of Sicily, 415–413 BCE*. Lanham.
- Bradford, A.S. 1994: The Duplicitous Spartan. In: A. Powell, S. Hodkinson (eds.), *The Shadow of Sparta*. London; New York, 59–85.
- Buck, R.J. 1988: The Sicilian Expedition. *Ancient History Bulletin* 2/4, 73–79.
- Burckhardt, L. 2000: Eine Demokratie wohl, aber kein Rechtsstaat? Der Arginusenprozeß des Jahres 406 v.Chr. In: L. Burckhardt, J. von Ungern-Sternberg (eds.), *Große Prozesse im antiken Athen*. München, 128–143.
- Cataldi, S. 1996: I processi agli strateghi ateniesi della prima spedizione in Sicilia e la politica cleoniana. In: M. Sordi (ed.), *Processi e politica nel mondo antico*. Milano, 37–63.
- Connor, W.R. 1992: *The New Politicians of Fifth-Century Athens*. Indianapolis; Cambridge.
- Day, J., Chambers, M. 1967: *Aristotle's History of Athenian Democracy*. Amsterdam.
- Debnar, P.A. 2000: Diodotus' Paradox and the Mytilene Debate (Thucydides 3. 37–49). *Rheinisches Museum für Philologie* 143/2, 161–178.
- Duë, C., Nagy G., 2020: Milman Parry. In: C.O. Pache (ed.), *The Cambridge Guide to Homer*. Cambridge, 590–592.
- Duke, G. 2020: *Aristotle and Law: The Politics of Nomos*. Cambridge.
- Dovatur, A.I. 1965: *Politika i Politii Aristotelya [Aristotle's Politics and Politics]*. Moscow–Leningrad.
- Доватур, А.И. 1965: *Политика и Политии Аристотеля*. М.–Л.
- Eder, W. (ed.) 1995: *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?* Stuttgart.
- Farrar, C. 1994: *The Origins of Democratic Thinking: The Invention of Politics in Classical Athens*. Cambridge.
- Finley, M.I. 1971: *The Ancestral Constitution*. Cambridge.
- Finley, M.I. 1985: *Ancient History: Evidence and Models*. New York.
- Flower, H.I. 1992: Thucydides and the Pylos Debate (4. 27–29). *Historia* 41/1, 40–57.
- Fornara, C.W. 1971: *The Athenian Board of Generals from 501 to 404*. Wiesbaden.

- Fornara, C. 2010: The Aftermath of the Mytilenian Revolt. *Historia* 59/2, 129–142.
- Foster, E. 2012: Thermopylae and Pylos, with Reference to the Homeric Background. In: E. Foster, D. Lateiner (eds.), *Thucydides and Herodotus*. Oxford, 185–214.
- Fragoulaki, M. 2016: Emotion, Persuasion and Kinship in Thucydides: The Plataian Debate (3. 52–68) and the Melian Dialogue (5. 85–113). In: E. Sanders, M. Johncock (eds.), *Emotion and Persuasion in Classical Antiquity*. Stuttgart, 2016. P. 113–132.
- Fuks, A. 1971: *The Ancestral Constitution: Four Studies in Athenian Party Politics at the End of the Fifth Century B.C.* Westport.
- Gagarin, M. 2002: *Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists*. Austin.
- Gianotti, A. 2021: Per un'analisi intertestuale delle fonti della battaglia di Delio: Tucidide (4. 89–99) e le *Supplici* di Euripide (650–730). In: O. Devillers, B.B. Sebastiani (ed.), *Sources et modèles des historiens anciens*, 2. Bordeaux, 31–44.
- Giorgini, G. 2021: The Philosopher and the City: Leo Strauss' Reading of Athenian Democracy. In: D. Piovan, G. Giorgini (eds.), *Brill's Companion to the Reception of Athenian Democracy: From the Late Middle Ages to the Contemporary Era*. Leiden–Boston, 368–398.
- Gish, D. 2012: Defending *dēmokratia*: Athenian Justice and the Trial of the Arginusae Generals in Xenophon's *Hellenica*. In: F. Hobden, C. Tuplin (eds.), *Xenophon: Ethical Principles and Historical Enquiry*. Leiden–Boston, 161–212.
- Green, P. 2003: Occupation and Co-existence: The Impact of Macedon on Athens, 323–307. In: O. Palagia, S.V. Tracy (eds.), *The Macedonians in Athens 322–229 B.C.: Proceedings of an International Conference Held at the University of Athens, May 24–26, 2001*. Oxford, 1–7.
- Hansen, M.H. 1987: *The Athenian Assembly: In the Age of Demosthenes*. Oxford.
- Harris, E.M. 2013: How to Address the Athenian Assembly: Rhetoric and Political Tactics in the Debate about Mytilene (Thuc. 3. 37–50). *Classical Quarterly* 63/1, 94–109.
- Hatzfeld, J. 1940: Socrate au procès des Arginuses. *Revue des études anciennes* 42, 165–171.
- Heftner, H. 2003: Oligarchen, Mesoi, Autokraten: Bemerkungen zur antidemokratischen Bewegung des späten 5. Jh. v.Chr. in Athen. *Chiron* 33, 1–41.
- Henderson, J. 2003: Demos, Demagogue, Tyrant in Attic Old Comedy. In: K.A. Morgan (ed.), *Popular Tyranny: Sovereignty and its Discontents in Ancient Greece*. Austin, 155–179.
- Herter, H. 1968: Pylos und Melos. Ein Beitrag zur Thukydides-Interpretation. In: H. Herter (ed.), *Thukydides*. Darmstadt, 369–399.
- Hornblower, S. 1992: *A Commentary on Thucydides*. Vol. 1. Oxford.
- Kagan, D. 1981: *The Peace of Nicias and the Sicilian Expedition*. Ithaca.
- Kagan, D. 2005: Perikles as General. In: J.M. Barringer, J.M. Hurwit (eds.), *Periklean Athens and its Legacy: Problems and Perspectives*. Austin, 1–9.
- Lehmann, G.A. 1997: *Oligarchische Herrschaft im klassischen Athen: Zu den Krisen und Katastrophen der attischen Demokratie im 5. und 4. Jahrhundert v. Chr.* Opladen.
- Lippman, M., Scahill, D., Schultz, P. 2006: Knights 843–59, the Nike Temple Bastion, and Cleon's Shields from Pylos. *American Journal of Archaeology* 110/4, 551–563.
- Marinovich, L.P., Koshelenko, G.A. 1996: Uroki antichnoy demokratii [Lessons of ancient democracy]. In: L.P. Marinovich, G.A. Koshelenko (eds.), *Antichnaya demokratiya v svidetel'stvakh sovremennikov* [Ancient Democracy in Testimonies of Contemporaries]. Moscow, 319–330.
- Маринович, Л.П., Кошеленко, Г.А. 1996: Уроки античной демократии. В кн.: Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко (ред.), *Античная демократия в свидетельствах современников*. М., 319–330.
- Marr, J.L., Rhodes, P.J. 2015: *The 'Old Oligarch': The Constitution of the Athenians Attributed to Xenophon*. Oxford.
- Mehl, A. 1982: Für eine neue Bewertung eines Justizskandals. Der Arginusenprozess und seine Überlieferung vor dem Hintergrund von Recht und Weltanschauung im Athen

- des ausgehenden 5. Jh. v.Chr. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung* 99, 32–80.
- Németh, G. 1984: Der Arginusen-Prozess: Die Geschichte eines politischen Justizmordes. *Klio* 66/1, 51–57.
- Ober, J. 1985: Thucydides, Pericles, and the Strategy of Defense. In: J.W. Eadie, J. Ober (eds.), *The Craft of the Ancient Historian: Essays in Honor of C.G. Starr*. Lanham–New York–London, 171–188.
- Ober, J. 2006: Thucydides and the Invention of Political Science. In: A. Rengakos, A. Tsakmakis (eds.), *Brill's Companion to Thucydides*. Leiden, 131–159.
- Osipova, O.V. 2008: Rechi Germokrata v "Istorii" Fukidida [Hermocrates' Speeches in Thucydides' Histories]. *Studia historica* 8, 96–103.
- Осипова, О.В. 2008: Речи Гермократа в «Истории» Фукидида. *Studia historica* 8, 96–103.
- Osborne, R. 2003: Changing the Discourse. In: K.A. Morgan (ed.), *Popular Tyranny: Sovereignty and its Discontents in Ancient Greece*. Austin, 251–272.
- Ostwald, M. 1986: *From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens*. Berkeley.
- Parry, A. 1972: Thucydides' Historical Perspective. In: A. Parry (ed.), *Studies in Fifth-Century Thought and Literature*. Cambridge, 47–61.
- Poddighe, E. 2002: *Nel segno di Antipatro: L'eclissi della democrazia ateniese dal 323/2 al 319/8 a.C.* Roma.
- Poddighe, E. 2014: *Aristotele, Atene e le metamorfosi dell'idea democratica: Da Solone a Pericle (594–451 a.C.)*. Roma.
- Prandi, L. 2004: Sintonia e distonia fra Brasida e Sparta. In: C. Bearzot, F. Landucci (eds.), *Contro le 'leggi immutabili': Gli Spartani fra tradizione e innovazione*. Milano, 91–113.
- Rademaker, A. 2019: The Great and the Small: Thermopylae and Sphacteria. In: L. van Gils, I. de Jong, C. Kroon (eds.), *Textual Strategies in Ancient War Narrative: Thermopylae, Cannae and Beyond*. Leiden; Boston, 342–358.
- Raubitschek, A.E. 1954: Philinos. *Hesperia* 23/1, 68–71.
- Reden, S. von 2013: Die Dialogisierung historischer Darstellung: Der Melierdialog in einer Wissenskultur im Umbruch. In: S. Föllinger, G.M. Müller (eds.), *Der Dialog in der Antike: Formen und Funktionen einer literarischen Gattung zwischen Philosophie, Wissensvermittlung und dramatischer Inszenierung*. Berlin–Boston, 201–220.
- Rhodes, P.J. 2000: Oligarchs in Athens. In: R. Brock, S. Hodkinson (eds.), *Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece*. Oxford, 119–136.
- Rhodes, P.J. 2016: Demagogues and Demos in Athens. *Polis* 33, 243–264.
- Roberts, J.T. 1977: Arginusae Once Again. *Classical World* 71/2, 107–111.
- Roberts, M. 2015: *Two Deaths at Amphipolis: Cleon vs. Brasidas in the Peloponnesian War*. Barnsley.
- Roller, D.W. 1989: Who Murdered Ephialtes? *Historia* 38/3, 257–266.
- Rubincam, C. 2001: The Topography of Pylos and Sphacteria and Thucydides' Measurements of Distance. *JHS* 121, 77–90.
- Schmitz, T. 2010: The Mytilene Debate in Thucydides. In: D. Pausch (Hg.), *Stimmen der Geschichte: Funktionen von Reden in der antiken Historiographie*. Berlin–New York, 45–65.
- Shepherd, W. 2013: *Pylos and Sphacteria 425 BC: Sparta's Island of Disaster*. Oxford.
- Simmons, R.H. 2023: *Demagogues, Power, and Friendship in Classical Athens: Leaders as Friends in Aristophanes, Euripides, and Xenophon*. London.
- Simonton, M. 2018: The Burial of Brasidas and the Politics of Commemoration in the Classical Period. *American Journal of Philology* 139/1, 1–30.
- Sinitsyn, A.A. 2020: The Spartan General Brasidas, the Macedonian King Perdiccas II and Chalcidian Poleis in the Thracian Campaign of 424–423 BC: Remarks on the History of the 'Triple Alliance'. In: R. Kulesza, N. Sekunda (eds.), *Studies on Ancient Sparta*. Gdańsk, 207–245.

- Stockton, D. 1982: The Death of Ephialtes. *Classical Quarterly* 32/1, 227–228.
- Strauss, B.S. 1993: *Fathers and Sons in Athens: Ideology and Society in the Era of the Peloponnesian War*. London.
- Strauss, L. 1964: *The City and Man*. Charlottesville.
- Surikov, I.E. 2000: *Iz istorii grecheskoy aristokratii pozdnearkhaicheskoy i ranneklassicheskoy epokh: Rod Alkmeonidov v politicheskoy zhizni Afin VII–V vv. do n.e.* [From the History of Greek Aristocracy of the Late Archaic and Early Classical Periods: The Alcmaeonidae Family in Athens' Political Life of the 7th – 5th Centuries BC]. Moscow.
- Суриков, И.Е. 2000: *Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э.* Москва.
- Surikov, I.E. 2002: *Evolutsiya religioznogo soznaniya afinyan vo vtoroy polovine V v. do n.e.: Sofokl, Evripid i Aristofan v ikh otnoshenii k traditsionnoy polisnoy religii* [Evolution of the Athenians' Religious Mentality During the Last Half of the 5th Century B.C.: Sophocles, Euripides and Aristophanes in their attitudes to traditional polis religion]. Moscow.
- Суриков, И.Е. 2002: *Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н.э.: Софокл, Еврипид и Аристофан в их отношении к традиционной полисной религии.* М.
- Surikov, I.E. 2007: Byla li Sitsiliyskaya ekspeditsiya avanturoi? [Was the Sicilian expedition an adventure?]. *Antiquitas aeterna* 2, 30–39.
- Суриков, И.Е. 2007: Была ли Сицилийская экспедиция авантюрой? *Antiquitas aeterna* 2, 30–39.
- Surikov, I.E. Antiphoneta IV: Fragmenty rechey Antifonta kak istoricheskiy istochnik (perevod i kommentariy) [Antiphoneta IV: Fragments of Antiphon's speeches as an historical source (translation with commentary)]. *Studia historica* 9, 1–27.
- Суриков, И.Е. 2009: Antiphoneta IV: Фрагменты речей Антифонета как исторический источник (перевод и комментарий). *Studia historica* 9, 1–27.
- Surikov, I.E. 2010: Antiphoneta V: Filosofskie fragmenty Antifonta [Antiphoneta V: Antiphon's philosophical fragments]. *Studia historica* 10, 25–65.
- Суриков, И.Е. 2010. Antiphoneta V: Философские фрагменты Антифонета. *Studia historica* 10, 25–65.
- Surikov, I.E. 2011: *Ocherki ob istoriopisanii v klassicheskoy Gretsii* [Essays on Historical Writing in Classical Greece]. Moscow.
- Суриков, И.Е. 2011: *Очерки об историописании в классической Греции.* М.
- Surikov, I.E. 2018: *Antichnaya Gretsia: Politogenez, politicheskie i pravovye instituty (Opuscula selecta II)* [Ancient Greece: State formation, political and legal institutions (Opuscula selecta II)]. Moscow.
- Суриков, И.Е. 2018: *Античная Греция: Политогенез, политические и правовые институты (Opuscula selecta II).* М.
- Surikov, I.E. 2021: *Antichnaya Gretsia: Mekhanizmy politicheskoy zhizni (Opuscula selecta III)* [Ancient Greece: Machinery of Political Life (Opuscula selecta III)]. Moscow.
- Суриков, И.Е. 2021: *Античная Греция: Механизмы политической жизни (Opuscula selecta III).* М.
- Surikov, I.E. 2022a: Afiny v periody smut i v periody stabil'nosti: nekotorye komparativnye nablyudeniya [Athens in the periods of sedition and in the periods of stability: some comparative observations. In: F.A. Mikhailovsky (ed.), *Drevniy mir: istoriya i archeologia. Sbornik nauchnykh statey* [Ancient World: History and Archaeology. Collection of Scientific Articles]. Moscow, 218–228.
- Суриков, И.Е. 2022a: Афины в периоды смут и в периоды стабильности: некоторые компаративные наблюдения. В кн.: Ф.А. Михайловский (ред.), *Древний мир: история и археология. Сборник научных статей.* М., 218–228.

- Surikov, I.E. 2022b: Afinskie magistraty i ironiya Fukidida [Athenian officials and Thucydides' irony]. In: E.S. Danilov, R.M. Frolov, O.G. Tsymbal (eds.), *Tsari. Magistraty. Imperatory: sbornik statey po istorii gosudarstvenno-pravovogo ustroystva i politicheskoy kul'tury drevnikh obshchestv, posvyashchennyu iubileyu V.V. Dement'yevoy* [Kings. Magistrates. Emperors: A Collection of Articles on the History of State and Legal Systems and Political Culture in Ancient Societies Devoted to V.V. Dement'eva's Anniversary]. Yaroslavl, 45–59.
- Суриков, И.Е. 2022б: Афинские магистраты и ирония Фукидида. В кн.: Е.С. Данилов, Р.М. Фролов, О.Г. Цымбал (ред.), *Цари. Магистраты. Императоры: сборник статей по истории государственного устройства и политической культуры древних обществ, посвященный юбилею В.В. Демет'евеой*. Ярославль, 45–59.
- Taylor, M.C. 2002: Implicating the *Demos*: A Reading of Thucydides on the Rise of the Four Hundred. *JHS* 122, 91–108.
- Taylor, M.C. 2018: *Thucydides's Melian Dialogue and Sicilian Expedition: A Student Commentary*. Norman.
- Thorley, J. 2004: *Athenian Democracy. 2nd ed.* London–New York.
- Tucker, A. 2016: Historiographic Ancients and Moderns: The Difference between Thucydides and Ranke. In: A. Lianeri (ed.), *Knowing Future Time in and through Greek Historiography*. Berlin–Boston, 361–384.
- Tumans, H. 2004: Psevdo-Ksenofont – “staryy oligarkh” ili democrat? [Pseudo-Xenophon, an “Old Oligarch” or a democrat?]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 14–27.
- Туманс, Х. 2004: Псевдо-Ксенофонт – «старый олигарх» или демократ? *ВДИ* 3, 14–27.
- Vanderpool, E. 1952: Kleophon. *Hesperia* 21/2, 114–115.
- Vickers, M. 1999: Alcibiades and Melos: Thucydides 5. 84–116. *Historia* 48/3, 265–281.
- Wassermann, F.M. 1968: Die mytilenaische Debatte bei Thukydides: Bild der nachperikleischen Demokratie. In: H. Herter (Hg.), *Thukydides*. Darmstadt, 477–497.
- Westlake, H.D. 1960: Athenian Aims in Sicily, 427–424 B.C. *Historia* 9, 385–402.
- Westlake, H.D. 1980: Thucydides, Brasidas, and Clearidas. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 21/4, 333–339.
- Westlake, H.D. 1989: *Studies in Thucydides and Greek History*. Bristol.
- Will, W. 2003: *Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held*. Bonn.
- Will, W. 2006: *Der Untergang von Melos: Machtpolitik im Urteil des Thukydides und einiger Zeitgenossen*. Bonn.
- Worthington, I. 1989: Aristophanes' ‘Frogs’ and Arginusae. *Hermes* 117/3, 359–363.

FROM THE HISTORY OF ATHENIAN OLIGARCHIC COUPS D'ÉTAT
IN THE LATE 5th CENTURY BC. I. THE PELOPONNESIAN WAR AND
INTERNAL SITUATION IN ATHENS

Igor E. Surikov

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

E-mail: isurikov@mail.ru

This study begins a series of articles dealing with antidemocratic coups d'état in Athens in the end of the 5th century BC and their historical significance (after them and as their result, the very character of the Athenian democracy changed). The period in question became in the

history of the Athenian polis a time of major instability in internal political life, and the article considers escalation of that instability in the context of the Peloponnesian war. It is usually said that the oligarchic movement in Athens suddenly gained force only after the Sicilian expedition (415–413 BC), which proved to be a full disaster. However, the article demonstrates that, as a matter of fact, oligarchic feelings grew gradually and latently already from the period of the Archidamian war, when for the first time there took shape a trend to the degeneration of Athenian radical democracy to *ochlokratia* led by demagogues. Unreasoned policies of that regime gave rise to the opposition, which had, in particular, Antiphon as one of its typical representatives.

Keywords: Classical Greece, Athens, oligarchy, democracy, coups d'état, Peloponnesian War, demagogues, Cleon, Thucydides, Antiphon, *phoros*
